

ОТ РЕДАКЦИИ

Имя российских предпринимателей-мукомолов Башкировых широко известно. Их плодотворная деятельность в сфере отечественной промышленности и на общественном поприще оставила глубокий след в истории. Построенные предприимчивыми купцами в Нижнем Новгороде и Самаре мукомольные заводы были оснащены по последнему слову техники, их продукция получила множество наград самой высокой пробы на международных выставках. Прославились Башкировы и своей щедрой благотворительностью. После 1917 года именитые заводчики и коммерсанты разделили трагическую судьбу русского торгово-промышленного класса.

В минувшем году в Нижнем Новгороде вышла книга, посвященная купеческому роду Башкировых. Ее автор, известный журналист, действительный член Историко-родословного общества в Москве Станислав Смирнов, подробно и на строго документальной основе рассказал о разносторонней деятельности трех поколений Башкировых. Начало этой деятельности было положено крепостным крестьянином, уроженцем сельца Копнина Нижегородского уезда и губернии Емельяном Григорьевичем Башкировым, занявшимся в сороковые годы XIX века судходным промыслом. Скопив необходимую сумму, Емельян выкупился в 1847 году у помещицы В.Н. Лишевой и, записавшись четыре года спустя в нижегородское мещанское общество, основал собственное торговое предприятие.

Со временем у него родилась мысль заняться мукомольным делом. С этой целью Емельян Башкиров арендовал водяную мельницу, расположенную на левой, луговой стороне Волги, возле села Толоконцева. Три сына новоявленного мукомола — Николай, Яков и Матвей — к тому времени достигли совершеннолетия и стали отцу надежными помощниками. Следующим шагом была постройка собственной паровой мельницы в самом Нижнем Новгороде, на правом берегу Оки, в Благовещенской слободе. Закончив его возведение, предприимчивый купец учредил Торговый дом «Емельян Башкиров с сыновьями». Вслед за Слободской Башкировыми были построены Канавинская мельница в заречной части города (1878 г.) и самый крупный паровой мукомольный завод в Самаре (1890 г.). Торговый дом Башкировых располагал собственным грузовым флотом, насчитывавшим к 1890 г. 5 пароходов («Нижегородец», «Минин», «Великая княгиня Мария», «Башкирец», «Мукосей») и 38 хлебных и нефтяных барж.

В 1891 г. Емельян Башкиров скончался. Основное им дело продолжали сыновья, создав после добровольного раздела всего имущества собственные торгово-промышленные фирмы. Младшему сыну перешла по наследству Слободская мельница, среднему — Канавинская, старшему — Самарская. Публикуемый ниже фрагмент книги «Башкировы: триумф и трагедия» повествует о жизни и деятельности старшего из братьев Башкировых — Николая, протекавших в трех городах России: Нижнем Новгороде, Самаре и Санкт-Петербурге.

Николай Емельянович Башкиров родился 4 декабря 1837 года в сельце Копнино Доскинской волости Нижегородского уезда. В метрической книге Казанской церкви села Крутец, к приходу которого относилась та деревенька, содержится совсем краткая запись о рождении «у вотчины госпожи Лишевой крестьянина Емельяна Григорьева и жены его первобрачной Настасии Якимовой» сына Николая. При крещении восприемниками у него были Федор Якимович Семенников (видимо, дядя новорожденного) и жена крестьянина Якова Егоровича Шараненкова Пелагия Яковлевна. Старшего сына Емельяна Башкирова еще в Копнине обучил грамоте дворовый человек помещиков Лишевых. Вскоре после этого семья переехала в Нижний Новгород. Николай вспоминал, что это произошло, когда ему было 10 лет. С этого времени он незамысловатый помощник в торговых делах отца, который не умел ни читать, ни писать. В отцовском торговом предприятии мальчик служил сначала конторщиком, затем — главным сотрудником.

В 1871 году был учрежден Торговый дом под фирмой «Емельян Башкиров с сыновьями», и Николай стал одним из его членов. Позднее он участвовал в создании Товарищества «Нижегородской паровой мельницы», где компаньонами Башкировых выступили временно московские купцы Алексей Добров и Богдан Набогльц. Предприятие учреждалось для постройки и эксплуатации Канавинской мельницы. Отметим, что в Нижнем Новгороде прошла большая часть жизни Николая Башкирова — около четырех десятков лет. Здесь произошло становление его как предпринимателя, были сделаны первые шаги на ниве общественной деятельности. Здесь он обзавелся семьей и занялся воспитанием своего многочисленного потомства.

Николай первым из Башкировых переступил порог городской Думы в качестве ее гласного. Избрание состоялось вскоре после осуществления одной из значимых реформ царствования Императора Александра II, городской. Эта реформа предоставляла местному самоуправлению широкие полномочия в сфере финансов. В выборах теперь участвовали не все городские обыватели, а только налогоплательщики, делившиеся на три разряда по размеру уплачиваемых налогов. Избирательным собранием 1-го разряда (самые крупные налогоплательщики) Н.Е. Башкиров и был избран в состав Думы. Это произошло в 1875 году. Активным деятелем городского общественного управления он не стал (хотя и упрекнуть в манкировании обязанностями его нельзя) и поначалу вообще не занимал никаких общественных должностей. На следующее четырехлетие в гласные не избирался. И только в 1883 году, повторно заняв думскую скамью уже вместе с братьями Яковом и Матвеем, Николай Емельянович окупился в публичную деятельность. Одна за другой ему поручаются должности попечителя Нижегородского городского имени графини Кутайсовой детского приюта (21.01.1883), члена комитета Нижегородской речной полиции (16.02.1884), директора губернского попечительского о тюрьмах комитета (8.03.1884). Одновременно он участвует в работе учетного комитета при Нижегородском городском Николаевском общественном банке. А в апреле 1885 года делегируется Думой в состав губернского податного присутствия. Две последние должности напрямую связаны с профессиональной деятельностью Николая Башкирова, и можно предположить, что, будучи по

характеру прагматиком, он относился к их заседаниям с гораздо большим интересом.

На первом же заседании Думы созыва 1883-1886 годов Николай Башкиров был избран в состав депутации для участия в освящении храма Христа Спасителя в Москве. Событию придавалось большое значение. О решении воздвигнуть храм в ознаменование победы в Отечественной войне император Александр I объявил в манифесте от 25 декабря 1812 года. Строился храм-памятник почти 40 лет по проекту зодчего К.А. Тона в царствование трех Государей. Его высота равнялась 48,5 сажень, он мог вместить более 7000 молящихся. Внутри в особых нишах было размещено 177 мраморных плит с описанием сражений в войне с Наполеоном, перечнем войск, именами убитых и раненых офицеров, числом потерь нижних чинов, сведениями о награжденных орденом Святого Георгия. В оформлении фасадов и интерьеров храма участвовали Бруни, Верещагин, Клодт, Кошелев, Марков, Семирадский, Суриков и другие известные мастера. Освящение храма Христа Спасителя состоялось 26 мая 1883 года. Одним из пунктов праздничной церемонии было поднесение нижегородской депутацией императору Александру III «изображения хоругви Минина». Как участник торжеств Николай Башкиров был удостоен серебряной медали в память освящения храма Христа Спасителя, о чем ему было выдано особое удостоверение.

В 1887 году Торговый дом Башкировых начал возведение самой крупной мукомольной мельницы, в Самаре. Построенный за три года мельничный комплекс расположился на волжском берегу на углу Преображенской и Старо-Самарской улиц, заняв там целый квартал. После раздела имущества между братьями, последовавшего в 1891 году, Самарская мельница станет собственностью Николая Башкирова. Кроме того, при разделе ему досталась Мысовская мельница, расположенная на левом берегу Волги в Семеновском уезде. После модернизации в 1886 году она располагала 53 вальцовыми станками, которые приводились в действие паровой машиной. Для размолва ржи на мельнице имелось пять пар жерновых поставов. Зерно для «Мысовки» закупалось на низовых пристанях и доставлялось к месту переработки водным путем. После выгрузки на пристани в устье Линды пшеницу гужевым транспортом везли на мельницу. Тем же путем осуществлялся вывоз готовой продукции к местам потребления.

Напомним и то, что помимо двух мукомольных заводов Николаю Башкирову достались склады и мучные лавки в Самаре (Заводская и Троицкая), Рыбинске, Москве, Санкт-Петербурге, Царском Селе, Гельсингфорсе и Або. В Нижнем Новгороде он унаследовал каменную лавку в Москательном ряду Нижегородской ярмарки, где велась торговля хлебом и чаем, из низовых пристаней — Николаевскую, Оренбургскую и Сорочинскую. Перешла к старшему брату и часть башкировской флотилии: большой буксирный пароход «Нижегородец», десять хлебных барж (№ 1-7 и № 10), три нефтянки, два нолика, плавучий док и конторка или баржа № 26 в Рыбинске. Из общего капитала Торгового дома, составившего 9 518 389 рублей, на долю Николая Башкирова пришлось 4 491 954 рубля. Решив покинуть Нижний Новгород, Башкиров определился с местом дальнейшей деятельности. Казалось, было бы логичным выбрать таковым Самару, где расположена перешедшая в его собственность крупнейшая мукомольная мельница. Возможно, какое-то время наш герой колебался в принятии окончательного решения. В заявлении в управу Нижнего Новгорода (август 1891 г.) о переводе на его имя аренды трех лавок на Нижнем базаре, ранее занятых фирмой Башкировых, он представился как временно рижский купец 2-й гильдии. В этом качестве, однако, он пребывал совсем недолго и уже на следующий 1892 год записался в купеческое общество города Самары. В гильдейское свидетельство были вписаны супруга Анна Федоровна, сыновья Михаил, Федор, Николай и Александр и несовершеннолетние дочери Анна, Ксения и Зинаида.

Местом жительства новоявленного самарский купец выбрал Санкт-Петербург. Здесь была устроена главная контора Николая Башкирова, которая разместилась в доме № 52 на Калашниковской набережной, в непосредственной близости от одноименных пристани и хлебной биржи. В дом Башкирова сходились нити управления многочисленными агентами и конторами на местах. Торговля мукой, выработанной на Самарской и Нижегородской мельницах, велась в первую очередь в пределах обширного северо-западного региона, охватывавшего помимо самой имперской столицы прибалтийские губернии, Великое княжество Финляндское и ближайшие страны Европы. Николай Емельянович был убежденным сторонником мучного экспорта и на всероссийских съездах мукомолов, проходивших в 1900-е годы, убедительно доказывал преимущества вывоза муки, а не зерна, поскольку он связан с гораздо меньшими транспортными издержками.

С образованием собственного предприятия Николай Башкиров решил увеличить возможности буксирного флота. В 1893 году по его заказу на Сормовской судовой верфи построен пароход «Самарец». Он имел мощность паровой машины 60 лошадиных сил, длину корпуса 17 сажений и мог тянуть за собой караван с грузом хлеба до 100 000 пудов. Год спустя на Нижегородском судостроительном механическом заводе Торгового дома «У.С. Курбатова наследники» был изготовлен буксир, при спуске на воду получивший название «Нижний». В дальнейшем его дважды переименовывают: сначала в «Емельяна Башкирова», затем в «Феликса Фора». Это было самое современное и быстроходное судно Николая Башкирова. Его использовали не только для проводки хлебных караванов, но и для пассажирских рейсов, совершаемых из Нижнего Новгорода в Самару и обратно. Мукомольное предприятие Николая Башкирова приняло участие во Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года, получив за свою продукцию высшую награду — право изображения на изделиях и в рекламе Государственного герба. В это время Самарская мельница находилась в том виде, в каком была построена несколько лет назад, но к ней добавилось небольшое производство для перемолва ржи. «Мысовка», на реке Линде в Семеновском уезде Нижегородской губернии, теперь была смешанного типа, паровая и водяная (с турбиной). При ней имелся конно-рельсовый путь длиной 13 верст, служивший для подвоза товаров к пристани на Волге. К существовавшей прежде сбытовой сети добавились торговля и склады в Астрахани — на Косе, в общественном корпусе. В Рыбинске имелся собственный дом на набережной Волги, у собора. Торговля в Финляндии велась через отделение и поверенных в Гельсингфорсе. Контора в Риге размещалась в центре города на Ратушной площади. Крупчатка, произведенная на мельницах Николая Башкирова, отправлялась за границу, экспортные операции обслуживали специальные агенты в Любеке — Дееке и Больдеман, в Гамбурге — Зенгстак.

В последующие годы предприятие Николая Емельяновича не раз подверглось серьезным испытаниям. В 1898 году Самарская мельница сильно пострадала от пожара, вызванного неосторожным обращением рабочих с огнем и взрывом мучной пыли. К восстановлению приступили немедленно. Мельница была перестроена и переоснащена, производительность ее возросла. Во время вынужденного простоя самарского завода были приняты энергичные меры по наращиванию производства Мысовской мельницы. А летом 1901 года случился новый пожар. По свидетельству прессы, он уничтожил Самарскую мельницу дотла. Однако и новый удар судьбы не обескуражил Николая Башкирова. Те, кто видел его на нижегородской бирже вскоре после очередного бедствия, говорили, что он отнесся к нему без видимого беспокойства и не считал большой помехой для своего многомиллионного предприятия, тотчас взявшись за дело с удвоенной энергией. Однако увидеть возрождение своей мельницы Николаю Башкирову было не суждено. Он скончался 5 августа 1901

года. Накануне он побывал в Нижнем Новгороде и оттуда на пароходе «Феликс Фор» направился в Самару, чтобы на месте познакомиться с ходом восстановительных работ. Неподалеку от Ставрополя у него случился сердечный приступ. В Самару больного привезли в бесчувственном состоянии, и в тот же день он умер. Отпевание Николая Башкирова прошло в местной Спасо-Преображенской церкви, после чего гроб с телом усопшего на том же пароходе был доставлен в Нижний Новгород для погребения. В пути его сопровождали сыновья. Местом упокоения Николая Емельяновича стал Крестовоздвиженский женский монастырь, расположенный на южной окраине города и издавна служивший у Башкировых традиционным местом захоронений. Заупокойную литургию и панихиду совершил епископ Нижегородский и Арзамасский Назарий, а надгробную речь произнес Яков Башкиров.

В духовном завещании, составленном Николаем Башкировым, основными наследниками его многомиллионного состояния были названы его возлюбленная Александра Дмитриевна Пятова и два младших сына от брака с А.Ф. Рогозильниковой — Николай и Александр. Пока завещание не вступило в законную силу, полномочия по управлению Торговым домом Николая Башкирова были возложены Петербургским коммерческим судом на главного доверенного фирмы Александра Петровича Думлера под наблюдением младшего сына покойного, Александра Башкирова. Между тем остальные дети Николая Емельяновича попытались оспорить его волю. Обратившись с гражданским иском в Петербургский окружной суд, они просили признать завещание недействительным, а доставшееся не им имущество — «родовым» и не подлежащим передаче в чужие руки. Суд оставил их ходатайство без последствий. Тогда была подана апелляция, принятая к рассмотрению 2-м гражданским департаментом Санкт-Петербургской судебной палаты, но результат был тот же. После этого три главных наследника учредили Торговый дом под фирмой «Н.Е. Башкирова наследники», который взял под свой контроль Самарскую мельницу и все относящиеся к ней конторы, склады, пристани, лавки и пароходы. Ведущую роль в нем играл Николай Николаевич Башкиров, являвшийся членом-учредителем Торгового дома и управляющим его главной конторой в Петербурге. В течение многих лет доверенными фирмы состояли упомянутый выше Александр Петрович Думлер, Николай Николаевич Лебедев, бухгалтером — Андрей Иванович Бем. В девятисотые годы Самарская мельница представляла собой современный мукомольный завод с размолом до 18 000 пудов зерна в сутки. Сырьем для нее служила пшеница разных сортов — русская, перерод, белотурка, а также рожь. Продукцию составляли 10 сортов пшеничной и шесть сортов ржаной муки. После пожара 1901 года мельницу заново переоснастили, подрядив для этого известную фирму А.М. Эрлангера. По завершении работ в молотовом отделении было установлено 39 вальцовых станков системы Бюлера, 53 рассева и другое новейшее оборудование. Энергетическую установку составили четыре паровых котла и паровая машина в 1200 индикаторных сил. Три динамо-машины давали ток для электрического освещения. На мельнице постоянно трудилось 250 человек в три смены под начальством управляющего Василия Егоровича Второва. Крупчатником в то время состоял М.В. Чибриков, механиком — А.Ф. Мухин.

Позднее Торговый дом был преобразован в Торгово-промышленное товарищество на паях «Николая Емельяновича Башкирова наследники», высочайше утвержденное 29 июня 1912 года. Его основной капитал равнялся 3 миллионам рублей, разделенным на 600 паев по 5 тысяч рублей каждый. Крупнейшими пайщиками стали А.Д. Пятова (329 паев), В.Н. Башкиров (119 паев) и клан Сурошниковых (в сумме 140 паев). Александра Пятова заняла в компании пост директора, двумя другими членами правления стали ее сын В.Н. Башкиров и его тесть В.М. Сурошников. На первого собрании пайщиков возложило обязанности директора-рас-

порядителя, на второго — председателя правления. Владимир Башкиров, повторим, был сыном упомянутой выше А.Д. Пятовой, принявшим, согласно прошению Николая Емельяновича Башкирова, его фамилию и отчество. Он окончил гимназию, впоследствии постоянно проживал в Самаре. О нем мы подробно расскажем ниже. Василий Сурошников в начале XX века был одним из самых влиятельных людей города. Получив образование в объеме неполного курса гимназии, он занялся хлебной торговлей, составил немалый капитал, впоследствии приумножив его благодаря женитьбе на дочери местного миллионера А.Н. Шихобалова. В зрелые годы Василий Михайлович владел заводами, мельницами, был крупным домовладельцем, с 1905 года избирался гласным самарской Думы, состоял старостой кафедрального собора. После смерти тестя он унаследовал его громадное состояние в виде крупных счетов в банках и 54 000 десятин земли в Бузулукском, Николаевском и Бугурусанском уездах. Незадолго до учреждения Товарищества Владимир Башкиров женился на дочери Василия Сурошникова Елизавете.

У Николая Емельяновича Башкирова было 11 детей, рожденных в браке с Анной Rogozильниковой, и четверо внебрачных. Арестованная в 1935 году Зинаида Башкирова показала на допросе, что отец ушел из семьи, когда ей было четыре года. Получается, что в 1890 году. В это время брак Башкирова и Rogozильниковой находился в состоянии глубокого кризиса. По его собственному признанию, в 1886 году, то есть вскоре после рождения младшей дочери Зинаиды, у него завязались близкие отношения с 16-летней Александрой Пятовой, дочерью Макарьевского уездного землемера Дмитрия Петровича Рудина и женой потомственного почетного гражданина Ивана Андреевича Пятова. Последний принадлежал к одной из ветвей известного в Нижнем Новгороде рода купцов и общественных деятелей. Его дед Семен Степанович Пятов был купцом 1-й гильдии, избирался городским головой, за заслуги был награжден бронзовой медалью в память 1812 года и золотой медалью «За усердие» на Анненской ленте, а в 1834 году пожалован званием потомственного почетного гражданина. Это звание перешло к его детям и внукам.

Уехав в 1889 году жить Петербург, Николай Башкиров взял и свою подругу вместе с двумя ее малолетними детьми. В это время ее сыну Владимиру минуло два года, дочери Варваре — несколько месяцев. Возникает закономерный вопрос: а как же отнестись к бегству жены и детей их законный муж и отец? Исследовавшая вопрос генеалог из Санкт-Петербурга Н.М. Светлова высказала версию, что все произошло с ведома и согласия господина Пятова. Мол, его брак с Александрой Дмитриевной был фиктивным и служил лишь прикрытием ее отношений с богатым и влиятельным купцом, дети же родились от Башкирова, а не от Пятова. Известно, что последний служил капитаном на каком-то частном судне (не на пароходе ли Башкирова?). И когда у Башкирова и Пятовой завязался роман и вот-вот должны были родиться дети, возлюбленной богатого мукомола было решено срочно подыскать мужа. На эту роль идеально подходил потомственный почетный гражданин Пятов. Заинтересовать жениха не составило труда, стимулом же могли быть, к примеру, покровительство по службе, щедрые отступные. Как бы то ни было, в 1889 году Александра Пятова прибыла в Петербург и стала хозяйкой особняка на Калашниковской набережной. А вскоре родила Башкирову еще одного сына, названного Борисом. Примерно через два года появился еще один ребенок. Девочка по имени Татьяна пополнила и без того многочисленное семейство, обитавшее под крылом Николая Башкирова в его просторном особняке. До этого в нем проживали старшие дочери Ольга и Елизавета, бывшие, что называется, на выданье, их братья Николай и Александр, учившиеся в Императорском коммерческом училище, и их (формально) приемные брат с сестрой Владимир и Варвара. После рождения Бориса и Татьяны число детей, живших с Башкировым и Пятовой под одной крышей, увеличилось до восьми. Три младших дочери,

Анна, Сения и Зинаида, проживали в это время в Нижнем Новгороде с матерью в собственном доме Башкирова на улице Ильинской.

Как повела себя при этом покинутая жена Николая Емельяновича? Естественно, Анну Федоровну до глубины души возмутила измена мужа. Общественное мнение встало на ее сторону, но сочувствия уже немолодой женщине, родившей Башкирову 14 детей, было не достаточно. Она хотела вернуть мужа, а если это не удастся, то как-то устроить дальнейшую жизнь, которая до сих пор всецело зависела от милости супруга. И она решила действовать. В 1892 году Анна Федоровна Башкирова обратилась в канцелярию Его Императорского Величества по принятию прошений с жалобой на неверного мужа и ходатайством о предоставлении ей отдельного вида на жительство. В прошении сообщалось, что поначалу ее брак с Башкировым был вполне благополучным. Трещина в отношениях возникла после того, как муж сблизился с молодой женщиной, Пятовой. После этого в поведении супруга стали проявляться вспыльчивость и грубость. В конце концов он ушел из семьи, забрав с собой взрослых детей и грозя отнять и трех остающихся при матери малолетних дочерей под предлогом, что им нужно дать надлежащее образование. Анна Башкирова винила соперницу в безнравственности и даже подлоге, поскольку та в петербургском обществе представлялась как законная жена Башкирова. В качестве доказательств в канцелярию прошений были переданы собственноручные письма Пятовой за подписью «Башкирова» и такие же пригласительные билеты на званый ужин с танцами, устроенный в доме на Калашниковской.

Чиновники столичной канцелярии приняли жалобу к рассмотрению и провели расследование с допросом обеих сторон. Оправдывая свои поступки, Николай Башкиров заявил, что брак не принес ему счастья и у него было немало серьезных претензий к супруге. Именно этим, мол, объясняется его увлечение другой женщиной, которая была не только более чуткой и заботливой, но и образованной (окончила 7 классов гимназии), а следовательно, могла играть благотворную роль в деле воспитания его детей. К этому Башкиров добавил, что его отношения с госпожой Пятовой носят серьезный и глубокий характер, и та уже родила ему четверых детей.

Следствие по жалобе носило тщательный характер. Чиновники опросили прислугу в петербургском доме и посетили Нижний Новгород, где имели беседы как с А.Ф. Башкировой, так и посторонними лицами. Собранная информация была противоречивой. Некоторыми свидетелями Александра Пятова характеризовалась как «интриганка». Что касается законной жены, то, как выяснилось, проживающие с ней малолетние дочери благополучны с нравственной стороны, но не вполне обеспечены материально. Итогом двухлетнего разбирательства был компромисс, достигнутый супругами. Анне Федоровне Башкировой был предоставлен отдельный вид на жительство. Муж положил на ее имя 30 000 рублей на счет в Нижегородском городском Николаевском общественном банке. Проценты от вклада давали ей скромный доход, а главное, — средства на оплату обучения дочерей. Кроме того, в доме на Ильинке Башкиров предоставил жене в бесплатное пользование квартиру из пяти комнат с кухней и подсобными помещениями. «Тяжба между супругами, — заключает генеалог Н.М. Светлова, — закончилась вполне цивилизованно, и в этом видится благотворное влияние Пятовой. Брошенная жена была материально обеспечена, сыновья обучались в Петербурге, замужние дочери получили приданое, а младшим дочерям оплачивалось образование».

Несмотря на то, что последнее и, видимо, самое счастливое десятилетие своей жизни Николай Башкиров провел вдали от родины, последний приют он нашел в Нижнем Новгороде. И провожала его в последний путь не возлюбленная Саша, а законная жена. Этого требовали приличия, и они были соблюдены. Газета «Волгарь» поместила объявление

ние такого содержания: «Анна Федоровна Башкирова с детьми, Яков Емельянович и Матвей Емельянович Башкировы извещают родных и знакомых, что тело умершего 5 сего августа в Самаре дорогого супруга, отца и брата Николая Емельяновича Башкирова прибудет из Самары в Нижний Новгород во вторник, 14 августа, в 8 часов утра, к городской пристани наследницы Курбатова. Погребение имеет быть в Крестовоздвиженском монастыре после заупокойной литургии, которая начнется в 9 часов утра. Поминование в доме покойного на Ильинской улице».

Судя по всему, и после смерти мужа Анна Федоровна не оставляла надежды отстоять свои права. Возможно, именно она уговорила старшего сына Михаила и дочерей Анну и Ксению начать судебный процесс об аннулировании завещания супруга. Как уже говорилось, иск был подан в 1903 году и рассматривался Петербургской судебной палатой. Обращает на себя внимание продолжившаяся в 1900-е годы заочная дуэль Анны с соперницей с целью вынудить ее отказаться от посягательств на фамилию мужа. Мы знаем, что Александра Пятова не будучи законной женой именовалась и писалась Башкировой. С 1902 года в справочнике «Весь Петербург» ее рекомендовали так: «Башкирова Александра Дмитриевна, вдова потомственного почетного гражданина. Калашниковская наб., 52». Так продолжалось пять лет, пока в том же справочнике за 1909 год не появились данные о Башкировой Анне Федоровне, вдове купца. Адрес был указан такой: «Васильевский остров, 16 линия, дом № 49». С этого времени в адресной книге Александра Пятова вновь значилась под своей настоящей фамилией. Может, Башкирова и впрямь намеревалась прожить остаток жизни в Петербурге, например, чтобы быть поближе к детям? Это еще одна из пока не разгаданных тайн. В декабре 1910 года сыновья Николай и Александр выдали ей обязательство ежемесячного содержания по 200 рублей каждый. Забота оказалась несколько запоздалой: Анна Федоровна Башкирова скончалась в курортном местечке Эдинбург близ Риги 13 августа 1911 года.

Но вернемся к детям Башкирова и Пятовой. Они находились на попечении Николая Башкирова, но и только. Пока дети были маленькими, никаких проблем, связанных с их статусом, не возникало. Но в дальнейшем вопрос о семейном положении Владимира, Варвары, Бориса и Татьяны подлежал решению, и затягивание могло негативным образом отразиться на их судьбе. Шаги в этом направлении были сделаны, причем обоими родителями. В Правительствующий Сенат поступило ходатайство Николая Башкирова с просьбой о разрешении принять находящимся на его попечении малолетними Владимиром и Варварой Пятовыми его, Башкирова, фамилии и отчества. Кроме того, заявитель просил признать их в правах потомственных почетных граждан по рождению и выдать соответствующие свидетельства. К прошению Башкиров приложил выданную городской управой Нижнего Новгорода справку, подтверждающую получение прадедушкой малышей, 2-й гильдии купцом Семеном Степановичем Пятовым грамоты на потомственное почетное гражданство, датированной 9 мая 1834 года. Звание было потомственным, то есть полагалось и сыновьям Феофилакту, Егору, Андрею, Андрею 2-му, Ефиму и Николаю, а также их потомству. Высочайшее соизволение на принятие Владимиром и Варварой фамилии и отчества Николая Башкирова последовало 25 января 1901 года. Чуть позднее за ними были закреплены и звания потомственных почетных граждан.

Любопытно, что разрешение Царя о принятии фамилии и отчества их попечителя относилось только к двоим старшим детям Александры Пятовой, Владимиру и Варваре. В праве же именоваться Башкировым младшим Борису и Татьяне было отказано. В ответе, адресованном их матери, сообщалось, что на это «высочайшего разрешения не последовало». Однако мы знаем, что и Борис, и Татьяна впоследствии носили фамилию Башкировы и величались Николаевичами. По-видимому, их мать все же добилась своего, и ее повторные ходатайства были удовлетворены.

Лишившись покровителя, Александра Пятова стала обладателем весьма крупного состояния. Согласно воле умершего, его законной жене Анне Башкировой, старшему сыну Михаилу и двум дочерям — несовершеннолетней Ксении и малолетней Зинаиде — достались незначительные средства. Львиную же долю движимого и недвижимого имущества получили Александра Пятова и сыновья покойного Николай и Александр Башкировы. Завещание содержало условие — обязанность наследников продолжать торговое дело не менее десяти лет. Что вскоре и последовало: в 1902 году был создан Торговый дом (полное товарищество) «Николая Емельяновича Башкирова наследники». В 1904 году его членами-учредителями состояли купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Николай Башкиров и потомственная почетная гражданка Александра Пятова. Вошел ли изначально в число учредителей Александр Башкиров, неизвестно, но мы знаем, что с марта 1903 года Петербургская судебная палата рассматривала вопрос о разделе имущества между ним и двумя другими наследниками Николая Емельяновича Башкирова — братом Николаем и Александрой Пятовой. В вышедшем вскоре справочнике о купцах и фирмах Санкт-Петербурга членами торгового дома значатся только Николай Николаевич Башкиров и Александра Дмитриевна Пятова. Вполне возможно, что позднее состоялся еще один раздел, при котором семейное дело покинул Николай. На это указывает состав образованного в 1912 году паевого Торгово-промышленного товарищества «Н.Е. Башкирова наследники». Его учредителями, как мы знаем, стали Пятова, ее сын Владимир и тесть последнего Сурошников. Обращает на себя внимание и адрес главной конторы этой компании — Самара. В этом городе проживают председатель правления товарищества и его директор-распорядитель.

Что мы знаем о Владимире Башкирове? Формулярный список о службе, собственноручно (и довольно неряшливо) составленный им в мае 1914 года, дает весьма поверхностное представление о профессиональной деятельности и общественном статусе старшего сына госпожи Пятовой. Происхождение — из купцов, звание — потомственный почетный гражданин, образование — полный курс гимназии. Занятие большинства должностей произошло в течение одного года. За период с декабря 1911 по декабрь 1912 г. Башкиров был избран председателем Самарского биржевого комитета, членом губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия, членом учетно-ссудного комитета отделения Государственного банка, членом попечительского совета Самарского коммерческого училища и членом Самарского присутствия по делам страхования рабочих. Все это совпадает по времени с учреждением Товарищества «Н.Е. Башкирова наследники» и избранием его директором-распорядителем Владимира Башкирова. Он один из основных держателей капитала, и в анкете, заполняя графу о наличии или отсутствии родового имения, уверенной рукой пишет: «Одна третья часть мукомольного товарищества». Год спустя Башкирова изберут гласным самарской Думы, где он тотчас войдет в состав трех комиссий — финансовой, учительской и театральной. Чуть позже к этому добавятся звание коммерции советника, членство в губернской ученой архивной комиссии и обязанности старосты приходской Спасо-Преображенской церкви.

Напомним, что в это время Владимиру Башкирову всего 25 лет. Своей стремительной карьерой он, скорее всего, обязан своей матери и удачной женитьбе, поскольку его женой стала дочь миллионера и одного из самых влиятельных жителей Самары Василия Михайловича Сурошникова. Венчание с 21-летней Елизаветой Сурошниковой состоялось в том же 1911 году в Спасо-Преображенской церкви. Через год у супругов родится двойня. Крестными отцами младенцев, нареченных Николаем и Марией, будут мать мужа и родители жены. В Первую мировую войну Владимир Башкиров состоял уполномоченным Особого совещания по

продовольствием в Самарской губернии. Он был полновластным хозяином Самарской мельницы, которая благодаря его общественным связям выполняла крупные заказы по размолу пшеницы и ржи для нужд армии (4000 пудов в сутки). В этом качестве он не раз навещался в столицу, был вхож в официальные круги. Вскоре после февральского переворота он как знаток хлебного дела был назначен товарищем министра продовольствия, войдя в четвертый состав Временного правительства. Есть версия, что назначению способствовала его предполагаемая причастность к одной из масонских лож, о чем, в частности, пишет в своей книге «Люди и ложи» писательница русского зарубежья Нина Берберова.

Революция остановила карьерный взлет. Но судьба оказалась к Владимиру Башкирову благосклонней, чем ко многим его сородичам. В декабре 1917-го или январе 1918 года он добрался до Иокогамы (Япония) и оттуда 30 января 1918 г. на пароходе «Сибيريا-Мару» прибыл в Сан-Франциско. Для получения американского гражданства Башкиров заполнил анкету, которую сегодня можно найти на официальном сайте Департамента труда США. Из нее можно узнать, как Башкиров в поисках убежища оказался в Штатах, есть также сведения о жене Елизавете и сыне Николае, родившемся 25 ноября 1912 года. Впоследствии Владимир Башкиров обосновался в Нью-Йорке, где поступил на службу в банкирскую контору. Известно, что он составил неплохую коллекцию живописи и, чтобы пополнять ее, время от времени навещался в Европу, причем одним из его консультантов при отборе картин был известный художник-авангардист Михаил Ларионов. Поддерживая связи с соотечественниками, Башкиров не скучился на пожертвования тем, кто, по его мнению, в них нуждался. Помогал, в частности, Литературному и Толстовскому фондам. Какое-то время состоял членом Совета директоров Ассоциации Святого Георгия. Скончался в Нью-Йорке в 1969 году.

Варвара, второй внебрачный ребенок Николая Емельяновича Башкирова, вышла замуж за отпрыска грузинского княжеского рода Дмитрия Луарсабовича Магалашвили. В записи о венчании, состоявшемся 17 августа 1908 года в домовая церкви Пажеского корпуса, он именуется по-русски Магаловым. Невесте едва минуло 18 лет, жениху — уже 30, и он состоит на службе в министерстве торговли и промышленности, исполняя обязанности помощника столоначальника отдела мореплавания, имеет чин губернского секретаря. Среди поручителей мы видим его младшего брата Левана, подъяесаула 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска. Личность примечательная, яркая. За плечами Левана Магалова — учеба в Пажеском корпусе, война с Японией и два боевых ордена за нее. Впереди — сражения Первой мировой в составе Татарского конного полка, награждение чином полковника и солдатским Георгиевским крестом, а под конец войны — назначение на должность полкового командира. После 1917 — участие в Белом движении, эмиграция. Старший брат и зять Башкирова переживет его на 16 лет и скончается в 1942 году в городке Экс-ан-Прованс на юге Франции. Судьбу его жены, урожденной Варвары Ивановны Пятовой, еще предстоит выяснить.

Еще одной нераскрытой тайной семьи Николая Башкирова остается принятие его фамилии и отчества двумя другими детьми, рожденными Александрой Пятовой, Борисом и Татьяной. В отличие от Владимира и Варвары, они появились на свет в Санкт-Петербурге. Обстоятельства рождения Бориса известны. В метрической книге Петербургской церкви святых благоверных князей Бориса и Глеба за 1891 год в части «О родившихся» имеется запись под № 85: «Борис — родился 5 апреля 1891 года, крещен 22 апреля 1891 года. Мать — Александра Дмитриевна Пятова, вдова потомственного почетного гражданина, православного вероисповедания. Восприемники: Федор Николаев Башкиров, нижегородский купеческий сын, и Ольга Николаева Татарина, Санкт-Петербургская купеческая жена». В этой записи интересны два момента.

Во-первых, в ней отсутствуют сведения об отце новорожденного, поскольку ребенок внебрачный. Во-вторых, в качестве крестных родителей указаны двое детей Николая Емельяновича, рожденных в законном браке. Это указывает на неплохие отношения матери младенца с семьей возлюбленного, умение Александры Пятовой находить общий язык с его взрослыми детьми.

Из всех детей Николая Башкирова его младший сын оставит едва ли не самый заметный след в истории. И все потому, что заявит о себе как о страстном поклоннике муз. Обнаружив почти полное равнодушие к коммерческой деятельности (владелец всего двух паев в мукомольном товариществе), он с головой окунется в жизнь столичной литературной богемы. Со временем преклонение Бориса Башкирова перед поэтами-символистами приведет его к собственным литературным опытам. Современники отмечали, что написанные им стихи посредственны, но не лишены чувства. С некоторых пор Башкиров подписывал свои стихи псевдонимом «Борис Верин», объяснив, что это производное от имени возлюбленной Веры Сурошниковой, дочери самарского миллионера и совладельца Товарищества «Н.Е. Башкирова наследники» Василия Михайловича Сурошникова. Борис познакомился с Верой во время одной из поездок в Самару, где находилась принадлежащая его семье огромная мельница и жил старший брат Владимир. По-видимому, Борис Башкиров бывал там часто и жил подолгу. В справочных изданиях Самары 1910-х годов он фигурирует не только как владелец собственного дома на Преображенской улице (возле мельницы), но и как кандидат дирекции местного отделения Императорского Русского музыкального общества.

Борис Башкиров водил дружбу с Северяниным, Бальмонтом и другими поэтами Серебряного века. На его визитной карточке было написано: «Борис Николаевич Башкиров, член комитета Калашниковской биржи», а на обороте — «Борис Верин — Принц сирени». Прозвище, отразившее любовь Верина к сиреневому цветку, придумал Игорь Северянин, запечатлев его в одном из стихов:

*Вы — Принц Фиолетовой Сирени
И друг порхающей листвы.
Весенней осени, осенней
Весны нюанс poznали Вы.*

Гостем литературных вечеров на Калашниковской, прозванных «Литургиями Красоты», был и молодой поэт Всеволод Рождественский. В своих воспоминаниях он писал о Борисе Башкирове как о хорошо образованном, знавшем несколько европейских языков интеллектуале с некоторым налетом экстравагантности. Рождественский рисует Башкирова красавцем, наделенным чертами властной мужской красоты. Вот одна из беглых зарисовок: «В ослепительно-белом пластроне смокинга, высокий, крепкий, с несколько тяжеловатыми, но точно и резко вылепленными чертами лица он казался повторением римской портретной скульптуры». Другим близким другом Башкирова-Верина был молодой Сергей Прокофьев, в то время студент Санкт-Петербургской консерватории, а позднее — знаменитый советский композитор. Дневники Прокофьева служат источником сведений о личности и превратностях жизни нашего героя. Из них, в частности, можно узнать, что Борис Башкиров страстно увлекался не только поэзией, но и музыкой, шахматами. Он посещал столичное Шахматное собрание, где наблюдал за поединками знаменитых мастеров того времени — Алехина, Капабланки, Ласкера, нередко принимал участие в сеансах одновременной игры. На одном из таких сеансов в начале 1910-х годов и состоялось его знакомство с будущим именитым композитором. Прокофьев вспоминал, как после того, как он выиграл сеанс одновременной игры у Капабланки, Башкиров пригласил его вместе с побежденным гроссмейстером к себе домой. Там они пили чай и наслаждались потоками красноречия хозяина.

В 1920 году Борису Башкирову удалось покинуть советскую Россию и выехать в Финляндию. Год спустя арестованный по делу о «Таганцевском заговоре» Гумилев упомянет об этом на допросе в ЧК. Слова поэта хорошо характеризуют как атмосферу в Петрограде в первые пореволюционные годы, так и настроения, зревшие в то время в кругах интеллигенции. «Допрошенный следователем Якобсоном, — говорил Гумилев, — я показываю следующее: летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериным и беседовал с ним на политические темы, горько сетуя на подавление частной инициативы в Советской России. Осенью он уехал в Финляндию, через месяц я получил в мое отсутствие от него записку, сообщавшую, что он доехал благополучно и хорошо устроился».

Оказавшись за границей, Борис Башкиров стал сотрудничать в эмигрантской прессе, публикуя стихи, переводы, статьи на злобу дня. Стихи этого периода отразили тоску по Родине и надежды на ее возрождение:

*Но сердце наше там, среди родных
И близких нам по духу и по мысли.
Мы знаем — и над ними тьмы повисли,
И безгранично горе среди них.
Но верим мы, наступит светлый день:
Мы вместе встретим праздник Воскресенья,
Взойдет, взойдет заря освобожденья
И злого прошлого исчезнет тень.*

Год спустя Прокофьев выхлопотал ему французскую визу, и Башкиров перебрался в Париж. Судя по всему, оседлая жизнь была ему не по душе. В 1920-е годы друзья и знакомые встречали Бориса в Рице, Берлине, Баварских Альпах, Нью-Йорке. В Париже, когда кончились деньги, ему пришлось работать шофером такси. Время от времени изгнаннику помогал его брат Владимир, ставший успешным бизнесменом в Америке. Точная дата смерти Бориса Башкирова не известна, последняя посвященная ему запись в дневниках Прокофьева относится к 1930 году.

Известные автору потомки самарской 1-й гильдии купца Николая Емельяновича Башкирова ныне проживают в Санкт-Петербурге.